Уильям Теккерей

Книга снобов,
написанная одним из них

Перевод с английского
Нины Дарузес

ФТМ

Уильям Теккерей

Книга снобов, написанная одним из них

«ФТМ»

Теккерей У. М.

Книга снобов, написанная одним из них / У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2829-9

Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1863) давно занял свое заслуженное место среди классиков мировой литературы, и сегодня уже никто не сомневается в силе его дарования и значении его наследия. В "Книге снобов, написанной одним из них" в переводе Нины Леонидовны Дарузез английский писатель фактически дал жизнь термину «сноб», рассказав о самой природе снобизма в его различных проявлениях на примерах из общественной жизни Англии XIX века. Роман объединил в себе сатирические очерки писателя, публиковавшиеся в течение 1846 года в журнале "Панч" и стал самым скандальным произведением английского сатирика. В романе Теккерей не пощадил никого - анализ персонажей и судеб без прикрас, дословные цитаты из жизни реальных участников, разбор поступков и последствия.

ISBN 978-5-4467-2829-9

© Теккерей У. М.
© ФТМ

Содержание

Предварительные замечания 5
Глава I 8
Глава II 11
Глава III 13
Глава IV 15
Глава V 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Уильям Мейкпис Теккерей
Книга снобов, написанная одним из них

Предварительные замечания

(Необходимость книги о Снобах, явствующая из Истории и обоснованная удачными примерами: автор и есть тот, кому суждено написать данную книгу. Его призвание излагается в самых красноречивых выражениях. Он доказывает, что свет издавна готовился к появлению этой книги и ее Автора. Снобов надлежит изучать так же, как и прочие предметы естественной истории, к тому же они составляют неотъемлемую часть Прекрасного (с прописной буквы). Они встречаются во всех классах общества. Разительный образец снобизма полковник Снобли.)

Все мы не раз читали утверждение, достоверность коего я позволю себе отрицать в корне, ибо на каких таких расчетах оно основано, хотел бы я знать? – все мы, говорю я, имели честь познакомиться с изречением: когда назревает время ц является потребность в Человеке, то этот Человек всегда находится. Так, в эпоху французской революции (читателю будет приятно, что она упоминается уже на первой странице), когда потребовалось дать народу успокоительное лекарство, то самым гнусным и омерзительным из таких лекарств оказался Робеспьер и был безропотно принят пациентом, к вящей пользе этого последнего; так, когда понадобилось выкинуть Джона Буля из Америки, на сцену выступил мистер Вашингтон и весьма успешно проделал эту работу; так, когда занемог граф Олдборо, явился профессор Голловэй со своими пилюлями и вылечил его милость согласно объявлению; нт. д. и т. д. Можно привести бесчисленное множество примеров в доказательство того, что когда пород терпит бедствие, то помощь ему близка, совершенно так же, как в пантомиме (этом микрокосме), где, как только клоуну что-нибудь понадобится – грелка, ручка от насоса, гусь пли же дамский палантин, – из-за кулис выскакивает актер с тем самым предметом, который требуется клоуну. И тут я не могу не заметить, сколь странно и исключительно, судя по всему, положение нашей горячо любимой Англии и Ирландии! Нетрудно представить себе, что великую нацию возглавляет Моисей, либо освобождает Вашингтон, либо вызволяет из беды Леонид или Альфред Великий; а вот героями, коим суждено в настоящее время спасать нас, оказывается пара известных шарлатанов, в чем со мной, несомненно, согласятся сэр Роберт и мистер О'Коннел. Это я отметил только так, в скобках, теперь же возвращаюсь к прежним своим доводам, которые каждый волен признать правильными или ложными.

Итак, продолжаю. Когда люди затевают какое-нибудь предприятие, они всегда готовы доказывать, что первейшие потребности человечества требуют его завершений. Скажем, это железная дорога: для начала директоры уверяют, будто «более удобное сообщение между Бетершивй и Дерринен-Бег необходимо для прогресса цивилизации и диктуется единодушными требованиями великого ирландского народа». Или предположим, что это газета: проспект гласит, что «в наше время, когда Церковь находится в опасности и ей угрожает извне дикий фанатизм и еретическое неверие, а изнутри ее подтачивают опасный иезуитизм и убийственная схизма, повсюду чувствуется нужда (страждущий народ уже обращался ко многим за помощью) в защитнике и покровителе Церкви. И потому группа прелатов и дворян выступила с предложением издавать газету «Церковнослужитель», и т. д. и т. д. Но один или два довода здесь неоспоримы: публика нуждается в чем-либо, и потому ей это доставляют, или: публике доставляют что-либо, а значит, она в этом нуждается.

У меня давно сложилось убеждение, что мне предстоят совершить некий труд – если хотите, Труд с прописной буквы, достигнуть некой цели; броситься в пропасть вместе с конем,

подобно Курцию; открыть величайшее общественное зло и уничтожить его. Это убеждение преследовало меня долгие годы. Оно шло за мною по пятам на шумных улицах; сидело рядом со мной в уединении кабинета; толкало меня под локоть, когда я поднимал чашу за пиршественным столом; преследовало меня по зигзагам Роттен-роу, бежало за мной в дальние страны. На гальке брайтонского пляжа, на маргетских песках его голос заглушал самый рев моря; он шептал, угнездившись в моем ночном колпаке: «Не спи, лентяй, твой Труд еще не завершен». Прошлым летом в освещенном луной Колизее донесся до меня этот тихий, искушающий голос: «Смит, или Джонс (имя писателя здесь не имеет значения), Смит, или Джонс, любезный мой, все это прекрасно, но тебе надо засесть дома и писать твой великий труд о Снобах».

Когда у человека есть такого рода призвание, всякая попытка уклониться от него просто бессмысленна. Он должен выступить перед народом; должен «выболтаться», отвести душу, а не то он задохнется и умрет. «Заметь себе, нередко восклицал я, мысленно обращаясь к вашему покорному слуге, – тебя постепенно готовили к этому подвигу, и ныне тебя влечет неодолимая сила необходимости, требуя, чтобы ты начал свой великий труд. Вначале был сотворен мир, потом, само собой разумеется, Снобы; они существовали долгие и долгие годы, причем о них было известно не больше, чем об Америке. Однако же в наше время, – когда ingens patebat tellus[1], – стали смутно подозревать, что такая порода существует. Никак не более двадцати пяти лет тому назад появилось и название для нее – звучное односложное слово, коим стали обозначать эту породу. Название впоследствии распространилось по всей Англии, наподобие железных дорог; Снобы стали известны и получили признание во всей империи, где, как мне говорили, никогда не заходит солнце. «Панч» появляется как раз вовремя, чтобы летописать их историю: и так же вовремя является нужный человек, чтобы напечатать эту историю в «Панче».

У меня наметан глаз на Снобов, и за этот дар судьбы я питаю глубокую и неиссякаемую признательность. Если Истинное есть Прекрасное, то прекрасно изучать и Снобов; разыскивать следы Снобов в веках, наподобие того как маленькие гэмпширские собачки отыскивают в земле трюфели; проходить шахты в общественных слоях и обнаруживать там богатые залежи снобизма. Снобизм, подобно Смерти в цитате из Горация, – которую вы, надеюсь, не знаете, «равной ногой стучится в дверь бедной хижины и в ворота императорского дворца». Большая ошибка судить о Снобах поверхностно и думать, что они водятся только в низших слоях общества. Огромный процент Снобов можно, как я полагаю, найти на любой ступени общественной лестницы. Не следует судить о них поспешно или пошло – это только доказывает, что вы тоже Сноб Меня и самого принимали за Сноба.

Когда я пил воды в Бэгниг-Уэлз и жил там в отеле «Имперналь», за столом напротив меня завтракал очень недолгое время такой невыносимый Сноб, что, как я чувствовал, воды мне нисколько не помогут, если он тут останется. Это был полковник Снобли из какого-то драгунского полка. Он носил лакированные сапоги и усы, пришепетывал, растягивал слова и картавил; вечно размахивал огненного цвета шелковым платком, приглаживая им напомаженные баки, отчего по всей комнате распространялся удушающий запах мускуса, – и я решил бороться с этим Снобом до тех пор, пока либо ему, либо мне не придется выехать из этой гостиницы. Я начал с того, что обратился к нему с самым невинным разговором и страшно его этим напугал, – он не знал, что надо делать, когда тебя атакуют подобным образом, и даже вообразить не мог, чтобы кто-нибудь осмелился заговорить с ним первый; потом я передал ему газету; потом, так как он не обращал внимания на мои авансы, я, не спуская с него взгляда, стал ковырять вилкой в зубах. Два утра он терпел мое поведение, а потом не выдержал, съехал из гостиницы.

[1] Кругом простерлись обширные (новые) земли (лат.).

Ежели полковник увидит эти строки, то не вспомнит ли он того господина, который спрашивал, нравится ли ему писатель Публикола, и прогнал его из отеля «Имперналь» четырехзубой вилкой?

Глава I
О снобах – в тоне веселой шутки

Бывают снобы относительные и снобы абсолютные.

Под абсолютными снобами я разумею таких, которые, будучи наделены снобизмом от природы, остаются снобами где угодно, в любом обществе, с утра до ночи, с молодых лет до могилы, – а есть и другие, которые бывают снобами только в особых обстоятельствах и в особых жизненных условиях.

Например: я знал человека, который при мне совершил такой же ужасный поступок, как и тот, о каком я рассказал в предыдущей главе, – чтобы разозлить полковника Снобли, я воспользовался тогда вилкой вместо зубочистки.

Так вот, когда-то я знал человека, который, обедая вместе со мной в кофейне «Европа» (что напротив Оперы – единственное место в Неаполе, где можно прилично пообедать), ел горошек с ножа. Это был человек, чьим обществом я очень дорожил вначале (мы с ним познакомились в кратере Везувия, а потом были ограблены и задержаны до выкупа калабрийскими бандитами, – но это к делу не относится) – человек с большими способностями, прекрасного сердца, разносторонне образованный, но до тех пор мне еще не приходилось видеть, как он ест горошек, и его образ действий в этом случае глубоко меня огорчил.

После такого его поведения в публичном месте мне не оставалось ничего другого, как порвать с ним. Я поручил одному общему знакомому (высокородному Поли Антусу) сообщить об этом нашему джентльмену возможно деликатнее и сказать, что одно весьма тягостное обстоятельство, нимало не затрагивающее чести мистера Горошка и ничуть не умаляющее моего уважения к нему, вынуждает меня прекратить наши дружеские отношения; мы встретились, как полагается, в тот же вечер на балу у герцогини Монте Фиаско – и не узнали друг друга.

Весь Неаполь заметил разрыв между Дамоном и Финтнем, – в самом деле, мистер Горошек не один раз спасал мне жизнь, – но что же мне, как английскому джентльмену, оставалось делать?

Мой любезный друг был в этом случае относительным снобом. Для особ высокого ранга других национальностей есть горошек с ножа отнюдь не считается снобизмом. Я видел, как Монте Фиаско подбирал горошек с тарелки ножом, и все прочие князья в его обществе делали то же. Я видел за гостеприимным столом Е. И. В., великой княгини Стефании Баденской (и если эти скромные строки будут прочтены ее царственными очами, то я смиренно прошу не поминать лихом самого преданного из ее слуг), – я видел, повторяю, как наследная принцесса Потцтау-зонд-Доннерветтер пользовалась ножом вместо ложки и вилки. Я видел, как она чуть не проглотила этот самый нож, честное слово, не хуже индийского факира Рамо-Сами. И разве я побледнел при этом? Разве перестал преклоняться перед принцессой Амалией? Нет, прелестная Амалия! Именно она пробудила в моем сердце самую верную любовь, какую только внушала человеку женщина. Очаровательница! Пускай еще долго-долго подносит этот нож пищу к этим губкам, самым розовым и самым прелестным на свете.

О причине моей ссоры с Горошком я целых четыре года не заикался ни единой живой душе. Мы встречались в чертогах аристократов, наших друзей и родственников. Мы толкали друг друга локтями во время танцев и за столом; но наше взаимное отчуждение не прекращалось и казалось бесповоротным до четвертого июня прошлого года.

Мы повстречались в доме сэра Джорджа Голлопера. Нас посадили – его по правую, а меня по левую руку очаровательной леди Г. На банкете подавали также и зеленый горошек – жареную утку с горошком. Я вздрогнул, увидев, что мистеру Горошку подали это блюдо, и

отвернулся, мне стало чуть не дурно при мысли о том, что сейчас лезвие ножа погрузится в его разверстый зев.

Каково же было мое изумление, мой восторг, когда он взял вилку и стал есть, как подобает христианину! Он ни разу не пустил в ход холодную сталь. Старое время вспомнилось мне – вспомнились его прежние услуги, вспомнилось, как он спасал меня от бандитов, как галантно он вел себя в деле с графиней деи-Шпинати, как он дал мне взаймы тысячу семьсот фунтов. Я чуть не прослезился от радости, и голос мой дрогнул от волнения.

– Джордж, мой мальчик! – воскликнул я. – Джордж, дорогой мой, стакан вина?

Весь покраснев, глубоко взволнованный, и тоже дрожащим голосом Джордж отвечал мне:

– Какого, Фрэнк? Рейнвейна или мадеры?

Я бы тут же прижал его к сердцу, если бы при этом не было посторонних. Леди Голлопер и не подозревала, из-за чего я так взволновался, что жареная утка, которую я разрезал, попала на розовое атласное колено ее милости. Добрейшая из женщин простила мне мою оплошность, а дворецкий убрал утку с ее колен.

С тех пор мы с Джорджем стали самыми близкими друзьями, и, разумеется, Джордж больше не возвращался к своей отвратительной привычке. Оказалось, что он обзавелся ею в провинциальной школе, где к столу часто подавали горошек, а вилки были двузубые, и только на континенте, где повсеместно в ходу четырехзубые вилки, он бросил свою ужасную привычку.

В этом отношении, и в одном только этом, я признаю себя сторонником великосветской «Школы серебряной вилки», и, если этот рассказ заставит моего читателя задуматься, заглянуть поглубже к себе в душу и, торжественно вопросив: «Ем я горошек с ножа или не ем?» – увидеть, что такая привычка может не только привести к гибели его самого, но и подать дурной пример его семейству, – то эти строки были написаны не даром. И ныне, какие бы другие авторы ни сотрудничали в нашем журнале, я льщу себя мыслью, что я, по крайней мере, буду всеми признан за человека нравственного.

Кстати, поскольку некоторые читатели не отличаются сообразительностью, я могу тут же сказать, в чем заключается мораль данного повествования. Мораль вот в чем: раз Общество установило некоторые обычаи, то люди обязаны подчиняться общественному закону и выполнять его безобидные предписания.

Если бы я отправился в Британский и Международный институт (сохрани меня, боже, пойти туда под каким бы то ни было предлогом и в каком бы то ни было костюме), – если б я отправился на званый чай в халате и шлепанцах, а не в обычном одеянии джентльмена, то есть в бальных туфлях, вышитом жилете, жабо, белом галстуке и с шапокляком, – то я оскорбил бы общество, иными словами, ел бы горошек с ножа. Пускай швейцары выведут человека, который так оскорбляет общество. Такой обидчик по отношению к обществу есть самый закоренелый и упрямый сноб. Общество, как и правительство, имеет свой кодекс, свою полицию, и тот, кто хочет пользоваться преимуществами обычаев, принятых для общего блага, должен их соблюдать.

По природе я не склонен к самомнению и терпеть не могу похвальбы, однако здесь мне хочется рассказать один эпизод, который служит пояснением предыдущего и в котором я, как мне кажется, вел себя довольно благоразумно.

Несколько лет тому назад, когда я был в Константинополе с весьма деликатной миссией (русские, говоря между нами, вели тогда двойную игру, и нам потребовался еще один посредник), Лекербис-паша из Румелпи, в то время главный галеонджи Порты, давал дипломатический обед в своем летнем дворце в Буюк-Дере. Я сидел по правую руку от галеонджи, а русский представитель, граф Дидлов – по левую. Дидлов был денди, который умер бы в мучениях от аромата розы: он трижды покушался на мою жизнь в течение переговоров, но при публике мы встречались, как друзья, и раскланивались самым сердечным и приветливым образом.

Галеонджи является, или являлся, – увы! шелковая удавка покончила с ним, – стойким приверженцем старой школы в турецкой политике. За обедом мы ели пальцами, а вместо тарелок нам служили плоские лепешки; единственным нововведением были европейские напитки, к которым галеонджи усердно прикладывался. Это был сущий обжора. Среди других блюд перед ним поставили одно очень большое: ягненка, запеченного целиком, в шерсти, и начиненного черносливом, чесноком, ассафетидой, каперсами и другими приправами, – самая отвратительная смесь, какую только смертному доводилось обонять или пробовать. Галеонджи набросился на это кушанье и, следуя восточному обычаю, усердно угощал им своих друзей справа и слева; а когда ему попадался особо лакомый кусочек, он запихивал его гостю прямо в рот собственными руками.

Я в жизни не забуду, какой вид был у бедняги Дидлова, когда его превосходительство, скатав порядочный ком этого лакомства и восклицая «бук-бук!» (это очень вкусно!), сунул этот ужасный шар Дидлову. Глаза у русского выкатились на лоб; он проглотил кусок с гримасой, за которой, как мне показалось, должна была следовать конвульсия; он схватил стоявшую рядом бутылку, в которой был не сотерн, как он думал, а французский коньяк, и только выпив ее почти до дна, понял свою ошибку. Это его доконало: его вынесли из-за стола замертво и положили охладиться в беседке над Босфором.

Когда дошла очередь до меня, я с улыбкой принял угощение, сказал: «Бисмилла», – и с аппетитом облизнулся, а как только подали следующее блюдо, я сам скатал шар очень умело и так ловко сунул его в рот старому галеонджи, что покорил его сердце. Россия сразу оказалась скомпрометирована, и Кабобанопольский договор был подписан. Что же касается Дидлова, то его карьера на этом кончилась: он был отозван в Санкт-Петербург, и сэр Родерик Мерчисон потом видел его в уральских рудниках, где он работал под э 3967.

Стоит ли говорить, в чем заключается мораль этой истории? Жизнь в обществе богата неприятностями, которые необходимо терпеть и еще улыбаться при этом.

Глава II
Царственный сноб

Давным-давно, еще в начале царствования ее величества, «в один прекрасный летний вечер», как сказал бы мистер Джеймс, трое или четверо молодых дворян, пообедав, пили вино в гостинице миссис Андерсон «Королевский Герб», в королевских угодьях Кенсингтона. Вечер был благоуханный, и глазам путников представлялась мирная картина. Высокие вязы старинного парка уже раскинули густолиственную сень, и бесчисленные коляски английской знати проносились мимо, направляясь к дворцу Сассекса Великолепного (доходы которого впоследствии позволяли ему устраивать разве только званые чаи) – он давал парадный банкет в честь своей племянницы-королевы. Когда кареты знатных господ высадили своих владельцев у банкетного зала, их кучера и лакеи отправились по соседству распить кувшин-другой темного эля в саду «Королевского Герба». Мы наблюдали за ними из нашей беседки. Клянусь святым Бонифацием, зрелище было поразительное!

Тюльпаны в садах милгера Ван Донка не поражают такой пестротой красок, как ливреи этих разношерстных прислужников. Все полевые цветы рдели на их гофрированной груди, все переливы радуги сверкали на плюшевых штанах, а лакеи с длинными жезлами расхаживали взад и вперед по саду с той очаровательной важностью, с тем восхитительным подрагиванием ляжек, которые всегда таят для нас какую-то неизъяснимую прелесть. Эти аксельбанты церемонно прогуливались взад и вперед в канареечном, алом и ярко-голубом, и дорожка парка была для них недостаточно широка.

Вдруг среди всего этого важничанья негромко прозвонил колокольчик, открылась боковая дверь, и собственные лакеи ее величества (высадив из кареты свою царственную госпожу) появились в парке в алых ливреях с эполетами и в черных плюшевых штанах.

Жалко было смотреть, как все прочие бедняги Джоны разбежались кто куда при их появлении! Ни один честный слуга простого смертного не мог устоять перед королевским лакеем. Все они ушли с аллеи, забились в темные углы и молча допивали там свое пиво. Королевские лакеи владели садом, пока не было объявлено, что для них готов обед: тогда они удалились, и мы слышали, как они произносили консервативные речи, предлагали тосты и аплодировали друг другу. Простых лакеев мы больше не видали.

Любезные мои лакеи, такие надменные сейчас и такие униженные в следующую минуту, всего лишь копия своих хозяев в этом мире. Тот, кто низкопоклонничает перед низостью, есть Сноб, – пожалуй, так можно определить эту разновидность человека.

Именно поэтому я и отважился, с величайшим уважением, поместить царственного сноба во главе списка, заставив всех прочих снобов уступить ему дорогу, как простые лакеи в Кенсингтонских садах уступили ее королевским. Сказать о таком-то и таком-то всемилостивом монархе, что он – сноб, не значит ли это сказать, что его величество – человек. Короли – тоже люди и снобы. В стране, где снобы составляют большинство, первейший сноб не может не годиться в правители. У нас они преуспели как нельзя более.

Например, Иаков I был снобом, да еще шотландским снобом, хуже которого не существует твари на свете. У него, по-видимому, не было ни одного из добрых свойств человека: ни отваги, ни великодушия, ни честности, ни ума; однако прочтите, что о нем говорили великие прелаты и ученые Англии! Карл II, его внук, был мошенник, но не сноб, в то время как Людовик XIV, его лощеный современник – большой поклонник важных господ, – всегда казался мне самым несомненным из королевских снобов.

Я не стану, однако, приводить в пример наших отечественных коронованных снобов, а сошлюсь на соседнее королевство Брентфорд и на его монарха, покойного и незабвенного

Горгия IV. С тем же смирением, какое проявили лакеи в «Королевском Гербе», стушевавшись перед королевским плюшем, аристократия Брентфорда унижалась и раболепствовала перед Горгием, да еще объявила его первым джентльменом Европы. И любопытно было бы знать, что такое джентльмен, по мнению тех дворян, которые дали Горгию этот титул.

Что значит быть джентльменом? Значит ли это быть честным, кротким, великодушным, храбрым, мудрым и, обладая всеми этими качествами» проявлять их внешне в самой изящной манере? Следует ли джентльмену быть преданным сыном, верным супругом и хорошим отцом? Должен ли он жить как порядочный человек, платить по счетам, обладать изящными и возвышенными вкусами, высокими и благородными целями в жизни? Словом, разве не должна «биография первого джентльмена Европы» быть такого рода, чтобы ее можно было с успехом читать в пансионах для молодых девиц и с пользой изучать в школах для молодых джентльменов? Я задаю этот вопрос всем наставникам молодежи – задаю его миссис Эллис и «Английским женщинам», всем школьным учителям, от доктора Хотри до мистера Сквирса. В воображении я вызываю грозный трибунал юности и невинности в сопровождении их почтенных наставников (подобно десяти тысячам краснощеких приютских детей в соборе св. Павла), и пусть он судит Горгия, а тот пусть стоит среди них и защищается как умеет. Вон, вон из залы суда, толстый старый Флоризель! Пристав, гони отсюда этого обрюзгшего толстяка с угреватой физиономией! Если Горгию непременно полагается поставить статую в том Новом дворце, который возводит народ Брентфорда, то пусть ее поставят в лакейской. Его следует изобразить за кройкой – искусство, в котором, как говорят, он не знал себе равных. Кроме того, он изобрел мараскиновый пунш, пряжки для туфель, – это было в самом расцвете его юности и изобретательского таланта – и Китайский павильон, самое безобразное строение на свете. Он правил четверкой почти так же хорошо, как кучер брайтонского дилижанса, фехтовал с грацией и, как говорят, недурно играл на скрипке. А улыбался он так неотразимо, что люди, удостоившиеся королевской аудиенции, становились его рабами телом и душой, как кролик становится добычей большого толстого боа-констриктора.

Я готов держать пари, что если бы революция посадила на брептфордский престол мистера Виддикомба, люди точно так же очаровывались бы его неотразимой, полной величия улыбкой и дрожали бы, становясь на колени, чтобы поцеловать его руку. Если б он поехал в Дублин, на том месте, где он высадился, поставили бы обелиск, как это и проделали ирландцы, когда их посетил Горгий. Все мы с восторгом читали о путешествии этого короля в страну хаггиса, где его появление вызвало такой взрыв верноподданических чувств и где самый известный в стране человек, барон Брэдвардайн, взойдя на борт королевской яхты, схватил стакан, из которого пил король, положил его в карман, как бесценную реликвию, и вернулся на берег в своей лодке. Но барон сел на этот стакан, он разбился, изрезав бароновы фалды, и бесценная реликвия навсегда пропала для мира. О благородный Брэдвардайн! Какой замшелый предрассудок мог поставить тебя на колени перед таким кумиром?

Если вам желательно пофилософствовать насчет изменчивости всего земного, ступайте и посмотрите на Горгия в его подлинной королевской мантии – в музее восковых фигур. За вход – один шиллинг. С детей и лакеев – шесть пейсов. Ступайте – и заплатите шесть пенсов.

Глава III
Влияние аристократии на снобов

В воскресенье на прошлой неделе я был в церкви и, как только кончилась служба, услышал разговор двух снобов о пасторе. Один спрашивал другого, кто такой этот священник.

– Это мистер такой-то, домашний капеллан графа Как-его-там, – отвечал второй сноб.

– Ах, вот как? – отозвался первый сноб тоном глубочайшего удовлетворения. Он сразу решил, что пастор – человек благонамеренный и достойный. О графе он знал не больше, чем об его капеллане, однако принял на веру репутацию пастора, положившись на авторитет этого графа, и пошел домой вполне довольный его преподобием, как и полагается ничтожному, раболепствующему снобу.

Этот случай дал мне больше пищи для размышлений, чем сама проповедь, и я изумился, до какой степени доходит лордопоклонство у нас в Англии. Почему для сноба так важно, служит его преподобие капелланом у его милости или нет? Что за преклонение перед пэрами в нашей свободной стране! Все мы в нем участвуем, более или менее, и все становимся на колени. А что касается основной нашей темы, мне кажется, что из всех институтов, влиявших на снобизм, аристократия стоит на первом месте. В число бесценных услуг (по выражению сэра Джона Рассела), оказанных нам знатью, можно смело включить поощрение, поддержку и умножение числа снобов.

Иначе и быть не может. Человек наживает несметное богатство, или удачно оказывает поддержку министру, или выигрывает крупное сражение, или заключает договор, или, как ловкий юрист, получает огромные гонорары и добивается места судьи, – и страна награждает его, на вечные времена, золотой коронкой (с большим или меньшим числом листьев или жемчужин), а также званием законодателя. «Ваши заслуги так велики, – говорит нация, – что вашим детям дозволяется некоторым образом править нами. Не имеет ни малейшего значения, что ваш старший сын дурак: мы считаем ваши заслуги настолько ценными, что к нему перейдут все ваши почести, как только смерть освободит ваше место. Если вы бедны, мы дадим вам столько денег, что и вы сами, и старший в вашем роде вечно будете кататься, как сыр в масле. Мы желаем, чтобы в этой счастливой стране создалась особая порода, которая будет занимать первые места и получать первые награды и вакансии, протекцию и субсидии от правительства. Мы не можем сделать всех ваших милых деток пэрами – тогда титул пэра стал бы слишком заурядным, и в палате пэров стало бы слишком тесно, – но у вашей молодежи должно быть все, что может дать правительство: они получат самые лучшие должности, они станут в девятнадцать лет капитанами и подполковниками, тогда как седые старики тридцать лет тянут лямку до поручика; в двадцать один год они будут командовать кораблями и ветеранами, которые сражались, когда этих юнцов еще на свете не было. А поскольку мы, как известно, свободный народ, то мы и говорим всякому человеку любого звания, дабы он получше исполнял свой долг: наживай несметное богатство, получай огромные гонорары как адвокат, произноси возвышенные речи или отличайся в боях и одерживай победы, и тогда ты, даже ты, войдешь в ряды привилегированного класса, а твои дети уже по праву рождения станут править нашими».

Как же мы можем избежать снобизма, когда у нас имеется такой удивительный национальный институт, учрежденный для поклонения ему? Как можем мы не раболепствовать перед лордами? Это выше человеческих сил. Возможно ли противиться такому искушению? Движимые тем, что именуется благородным соревнованием, одни люди стремятся к почестям и добиваются их; другие, более слабые и низкие, слепо восхищаются и пресмыкаются перед теми, кто их добился; третьи, ничего не добившись, бешено ненавидят, клевещут и завидуют. Лишь немногие философы, невозмутимые и отнюдь не самоуверенные, могут хладнокровно

смотреть на такой общественный порядок, то есть на организованное раболепство – на гнусный, утвержденный законом культ Человека и Мамоны, словом – на увековеченный снобизм. Однако желал бы я знать, найдется ли среди этих невозмутимых моралистов хоть один, у кого не забилось бы от волнения сердце, если б его увидели на Пэл-Мэл с герцогом под ручку? Нет: при наших общественных порядках невозможно не быть иногда снобом.

Такие порядки воспитывают в простом человеке подлого сноба, а в знатном – высокомерного сноба. Когда некая благородная маркиза пишет в своих путевых заметках, как тяжко пассажиру на пароходе по необходимости сталкиваться «со всякого рода и состояния людьми», давая этим понять, что общение с божьими созданиями неприятно ее милости, которая выше их; когда, говорю я, маркиза Лондондерри пишет в этом духе, мы бы должны принять во внимание, что по натуре ни одной женщине это чувство не свойственно, однако привычка всех окружающих раболепствовать и заискивать перед этой прекрасной и величественной дамой – обладательницей такого множества черных и всяких других брильянтов – ив самом деле заставила ее поверить, что она выше всех на свете и что люди не вправе с ней общаться, разве только с почтительного расстояния.

Помню, однажды мне пришлось быть в Каире, когда через этот город проезжал европейский принц крови, направляясь в Индию. Как-то ночью в гостинице поднялся переполох: человек утонул в соседнем колодце. Все постояльцы сбежались во двор, – и среди прочих ваш покорный слуга, который спросил у одного молодого человека, что случилось. Почем же я мог знать, что этот молодой человек – принц? При нем не было ни короны, ни скипетра, он был в белой куртке и фетровой шляпе; однако же он изумился, что кто-то с ним заговорил и, пробормотав что-то невнятное, подозвал своего адъютанта, чтобы тот подошел и ответил. Это мы, а не лорды, виноваты, что они вообразили себя настолько выше нас. Если вы сами бросите под колеса, можете быть уверены, Джаггернаут вас переедет; а если б мы с вами, любезный друг, привыкли ежедневно видеть перед собой раболепствующих, – если б, где бы мы ни появились, люди пресмыкались в рабском унижении, мы тоже, вполне естественно, впали бы в тон превосходства и приняли бы всерьез то величие, которое нам упорно навязывают.

Вот пример той спокойной, добродушной, убежденной манеры, с какой великий человек принимает почести от нижестоящих, взятый из путевых записок лорда Лондондерри. Сделав несколько глубоких и остроумных замечаний о городе Брюсселе, его милость говорит: «Пробыв несколько дней в «Отеле Бель-Вю», который гораздо ниже своей репутации и не так комфортабелен, как «Отель де Франс», я познакомился с доктором Л., врачом при нашей миссии. Он пожелал угостить меня и заказал для нас обед у первого здешнего ресторатора, утверждая, будто бы там лучше, чем в парижском «Роше». Шесть или восемь человек приняло приглашение, и все мы согласились, что обед куда хуже парижского и много дороже. И довольно об этом жалком подражании».

Довольно и о том джентльмене, который давал обед. Доктор Л., желая принять его милость, угощает его самыми лучшими яствами, какие только можно достать за деньги, а милорд находит, что угощение и плохо и дорого. Дорого! Ему-то оно ничего не стоило. Плохо! Мистер Л. постарался, как мог, чтобы эти благородные челюсти остались довольны, а милорд принимает угощение и делает хозяину выговор. Это похоже на ворчанье трехбунчужного паши, недовольного бакшишем.

Но может ли быть иначе в стране, где лордопоклонство вошло в символ веры, а наших детей смолоду учат почитать «Книгу пэров», как вторую Библию англичанина!

Глава IV
«Придворные известия» и их влияние на снобов

Пример – самое лучшее доказательство, а потому начнем с правдивой и подлинной истории, показывающей, как взращиваются молодые аристократы-снобы и как рано можно добиться цветов от снобизма. Одна светская красавица (простите, милостивая государыня, что ваш рассказ будет предан гласности, но он настолько поучителен, что должен стать известным всему миру) рассказывала мне, что в ранней юности у нее была подружка, которая теперь тоже стала светской красавицей. Упомянем, что мисс Снобки, дочь сэра Снобби Снобки, была в прошлый четверг представлена ко двору, что произвело настоящую сенсацию, – и все будет понятно.

Когда мисс Снобки была настолько молода, что ее держали в детской и выводили на прогулку в Сент-Джеймс-парк рано утром под присмотром гувернантки и в сопровождении огромного косматого лакея в канареечной ливрее дома Снобки, она иногда встречалась в парке с юным лордом Клодом Лоллипоп, младшим сыном маркиза Силла-баба. В самом разгаре сезона, неизвестно по какой причине, семейство Снобки неожиданно решило уехать из города. Мисс Снобки сообщила об этом своей подруге и наперснице.

– Что скажет бедный Клод Лоллипоп, когда узнает о моем отъезде? спросило это чувствительное дитя.

– Может быть, он и не узнает об этом, – ответила наперсница.

– Милочка, он прочтет об этом в газетах, – возразила светская плутовка семи лет от роду.

Она уже сознавала свое значение и то, что вся Англия, то есть все претендующие на «благородство», все поклонники серебряной вилки, все сплетники, все жены лавочников, жены портных, жены адвокатов н купцов, а также обитатели Клепема и Брунсвик-сквер, у которых не больше шансов общаться с кем-либо из Снобки, чем у моего любезного читателя пообедать с китайским императором, все же с интересом следят за каждым движением семейства Снобки и бывают рады узнать, когда оно приехало в Лондон или уехало оттуда.

Вот описание туалетов мисс Снобки и ее матушки, извлеченное из газет за прошлую пятницу:

Мисс Снобки

> «Habit de coiir[2], состоящий из прозрачного платья желтой папки на чехле горохового плиса, отделанный букетами брюссельской капусты; корсаж и рукава богато отделаны коломянкой; розовый шлейф с гирляндами белой редиски. Головной убор из морковок с лентами».

Леди Снобки

> «Costume de cour:[3] шлейф из великолепных носовых платков китайского шелка, элегантно отделанных блестками, фольгой и красной тесьмой. Корсаж и юбка небесно-голубого вельвета, отделанные буфами и бантами из шнуров для сонетки. Корсаж украшен плюшкой. Головной убор гнездо с райской птицей, вместо фероньерки богатый дверной молоток чистой меди. Этот роскошный костюм от мадам Кринолин с Риджент-стрит вызвал всеобщее восхищение».

[2] Придворный туалет (франц.).

[3] Придворный костюм (франц.).

Вот что вы читаете. О миссис Эллис! О английские матери, дочери, тетушки, бабушки, вот какого рода писания помещают для вас в газетах! Как же вам не быть матушками, дочками и т. д. снобов, когда эта чепуха все время у вас перед глазами?

Вы засовываете розовую ножку китайской светской девушки в туфельку размером чуть побольше солонки и держите бедные пальчики заключенными и стиснутыми в ней до тех пор, пока миниатюрность не станет неисправимой. После этого нога уже не может расправиться и вырасти до нормального размера, хотя бы вы надели на нее корыто вместо башмака, и крошечные ноги остаются у девушки на всю жизнь, она становится калекой. О дорогая моя мисс Уиггинс, благодарите судьбу за ваши красивые ноги, – хотя, по-моему, они так малы, что почти невидимы при ходьбе, – благодарите судьбу, что общество их не изуродовало, но оглянитесь вокруг и посмотрите, у скольких ваших подруг в самом высшем кругу преждевременно и безнадежно повреждены и засушены мозги.

Как можно ожидать, чтобы эти бедные создания вели себя естественно, когда и свет и родители покалечили их так жестоко? Пока существуют «Придворные известия», как могут люди, чьи фамилии попадают в печать, поверить, что они равны тем подхалимам, которые ежедневно читают этот отвратительный вздор? Мне кажется, что наша страна – единственная во всем мире, где «Придворные известия» все еще процветают, где вы читаете:

«Сегодня его высочество принц Паттипан выезжал подышать воздухом в своей коляскочке». «Принцессу Пимини вывозили на прогулку в сопровождении ее фрейлин и в обществе ее куклы». Мы смеемся над тем, как торжественно Сен-Симон сообщает, что «Sa Majeste se medicamente aujourd'hui»[4]. Но под самым нашим носом та же глупость повторяется ежедневно и в наше время. Этот изумительный и загадочный человек, автор «Придворных известий», каждый вечер заходит в редакции газет со своим материалом. Я как-то попросил редактора одной газеты, чтобы мне позволили спрятаться за шкафом и взглянуть на него.

Мне рассказывали, что в одном королевстве, где имеется немецкий принц-супруг (должно быть, в Португалии, потому что там королева вышла за немецкого принца, которого очень любят и уважают туземцы), каждый раз, когда принц-супруг развлекается охотой в кроличьих садках Синтры или в фазаньих заповедниках Мафры, при ней, само собой, имеется лесник, чтобы заряжать ему ружья, а затем эти ружья передаются его шталмейстеру, дворянину, а дворянин передает их принцу; тот палит и отдает разряженное ружье дворянину, дворянин – леснику, и т. д. Но принц не возьмет ружья из рук заряжающего.

Пока держится этот противоестественный и нелепый этикет, должны существовать и снобы. Все три человека, упомянутые выше, становятся на время снобами.

> 1. Лесник – сноб в наименьшей мере, ибо он выполняет свои обязанности; но здесь он все-таки оказывается снобом, поскольку унижен перед другим человеком (перед принцем), с которым ему дозволено общаться только через третье лицо. Свободный португалец лесник, который признает себя недостойным общаться с кем бы то ни было непосредственно, тем самым признает себя снобом.
>
> 2. Дворянин-шталмейстер тоже сноб. Если для принца унизительно получить ружье из рук лесника, то для шталмейстера унизительно оказывать принцу эту услугу. Он ведет себя как сноб с лесником, которому препятствует общаться с принцем, и как сноб – с принцем, перед которым унижается.
>
> 3. Португальский принц-супруг – сноб, ибо оскорбляет таким образом ближних своих. Не беда, если б он принимал услуги непосредственно от лесника; но при посредничестве третьего лица становится оскорбительна

[4] Сегодня его величество принимает слабительное (франц.).

самая услуга, и унижены оба служителя, которые в этом участвуют; поэтому я почтительно утверждаю, что он самый несомненный, хотя и царственный сноб.

А после этого вы читаете в «Диарио де гоберно»:

«Вчера его величество король развлекался охотою в лесах Синтры в сопровождении полковника, высокородного Вискерандо Сомбреро. Его величество возвратился к завтраку в Несессидадес в таком-то часу», и т. д., и т. д.

Ох, уж эти «Придворные известия»! – опять восклицаю я. Долой «Придворные известия», это орудие и рассадник Снобизма! Я обещаю подписаться на год на любую ежедневную газету, которая будет выходить без «Придворных известий» – хотя бы даже на «Морнинг геральд». Когда я читаю этот вздор, во мне поднимается гнев; я чувствую себя предателем, цареубийцей, членом клуба «Телячья Голова». За все время мне понравилась только одна заметка в «Придворных известиях»; там рассказывалось про испанского короля, который изжарился почти целиком, потому что первый министр не успел приказать лорду-камергеру, чтобы церемониймейстер соблаговолил приказать дежурному камер-пажу, чтобы тот передал старшему придворному лакею просьбу послать за старшей горничной, чтобы та принесла ведро воды – тушить его величество.

Я похож на трехбунчужного пашу, которому султан посылает свои «Придворные известия». Иначе говоря – шелковый шнурок.

Они меня душат. Поскорее бы их упразднили раз и навсегда.

Глава V
Чем восхищаются снобы

Теперь подумаем о том, как трудно даже знатным особам не стать снобами. Хорошо говорить читателю, оскорбленному в своих лучших чувствах утверждением, что все короли, принцы и лорды – снобы: «Ты и сам отъявленный сноб. Прикидываясь, будто изображаешь снобов, ты копируешь только собственную безобразную рожу, любуясь ею тщеславно и тупо, наподобие Нарцисса». Но я прощу этот взрыв негодования моему верному читателю, когда вспомню, где и кем он имел несчастие родиться. Надо полагать, что для англичанина вообще невозможно не быть в известной мере снобом. Если бы люди в этом убедились, было бы достигнуто, конечно, очень многое. Если я указал на болезнь, то будем надеяться, что другие ученые найдут лекарство.

Если и вы, человек среднего общественного слоя, тоже сноб, – вы, кому никто особенно не льстит, вы, у кого нет приживалов, кого не провожают с поклонами до дверей лакеи и приказчики, кому полисмен велит проходить не задерживаясь, кого затирают в светской толпе и среди братьев наших снобов, то судите сами, насколько труднее избежать снобизма человеку, который не имеет ваших преимуществ и всю жизнь окружен поклонением, перед кем все унижаются, – судите сами, как трудно кумиру снобов не сделаться снобом самому.

В то время как я рассуждал таким убедительным образом с моим другом Евгением, нас обогнал лорд Бакрам, сын маркиза Бэгуига, и постучался в дверь семейного особняка на Ред-Лайон-сквер. Его высокородные батюшка и матушка занимали, как всем известно, почетные должности при дворе покойных государей. Маркиз был лордом-хранителем буфетной, а ее милость ведала Пудреной комнатой королевы Шарлотты. Бак (я его зову этим именем, потому что мы с ним очень близки) кивнул мне, проходя мимо, и я стал доказывать Евгению, что для этого вельможи немыслимо не быть одним из нас, поскольку снобы всю жизнь морочили ему голову.

Родители решили дать ему привилегированное воспитание и как можно раньше отослали его в школу. Его преподобие Отто Роз, Д. В., директор Ричмонд-лодж – подготовительной Академии для молодых вельмож и дворян, взяв на свое попечение маленького лорда, пал ниц и преклонился перед ним. Он неизменно представлял его папашам и мамашам, приезжавшим в школу навестить своих детей. Он с гордостью и удовольствием поминал высокородного маркиза Бэгуига, как одного из добрых друзей и покровителей своей Академии. Из лорда Бакрама он сделал приманку для такого множества учеников, что к Ричмонд-лодж понадобилось пристроить новый флигель, и в заведении прибавилось тридцать пять новых кроваток под белым пологом. Миссис Роз, делая визиты в одноконном фаэтоне, обычно брала с собой маленького лорда, так что супруга пастора и докторша чуть не умерли от зависти. Когда родной сын доктора Роза вместе с лордом Бакрамом были пойманы на краже яблок в чужом саду, доктор, не жалея собственной плоти и крови, отстегал сына за то, что тот ввел в соблазн молодого лорда. Расставаясь с ним, он плакал. Когда доктор принимал посетителей, на его письменном столе всегда лежало письмо, адресованное высокородному маркизу Бэгуигу.

В Итоне из лорда Бакрама выколотили немалую долю снобизма, там его секли совершенно беспристрастно. Однако даже и там избранная стайка сосунков-подхалимов искала его общества. Молодой Крез дал ему взаймы двадцать три новехоньких соверена из банка своего папаши. Молодой Снейли делал за него переводы и пытался сойтись с ним поближе; зато юный Булл одолел его в драке, длившейся пятьдесят пять минут, и Бакрам неоднократно и с большой пользой для себя бывал бит тростью за плохо вычищенные сапоги старшего ученика Смита. На заре жизни далеко не все мальчики бывают подхалимами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.